

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ДРУЖЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ОДЫ Державина «ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ» (1789)

В ноябрьском номере «Новых ежемесячных сочинений» за 1789 г. была опубликована самая пространная из од Державина — «Изображение Фелицы». Она насчитывает 464 стиха, разбитых на пятьдесят восемь восьмистиший. Как и во многих других случаях, Державин при написании этой оды преследовал вполне определенные карьерные цели, а именно: после отстранения от должности тамбовского губернатора поэт хотя и оправдался перед императрицей, но долго не мог получить другого места.¹ Это обстоятельство не ставит никоим образом под сомнение тот факт, что «Изображение Фелицы» занимает одно из центральных мест в творчестве Державина. Об этом свидетельствует не только объем оды, но и разработка столь важной для поэта темы, как воспевание мурзой его повелительницы Фелицы. Вынесение в заглавие имени идеальной правительницы подчеркивало преемственность стихотворения прежде всего по отношению к следующим трем одам, написанным ранее — «Фелица» (1782), «Благодарность Фелице» (1783), «Видение мурзы» (1783 или 1784). Если два первых стихотворения появились в печати вскоре после их написания, то третье было опубликовано лишь в 1791 г. в «Московском журнале», незадолго до того получив окончательную отделку.

Несмотря на тематическую близость перечисленные стихотворения несхожи между собой как в плане выражения, так и содержательно. Хотя все они написаны четырехстопным ямбом, строфика их различна. Так, «Фелица» написана традиционной одической стро-

¹ Об обстоятельствах написания и публикации «Изображения Фелицы», а также о событиях, нашедших отражение в оде, см. в подробных комментариях Я. К. Грота в кн.: *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота*: В IX т. СПб., 1864—1883. Т. I. С. 270—299. Ссылки на это издание далее даются в тексте с указанием тома римской цифрой и строки — арабской.

фой, а «Благодарность Фелице» и «Изображение Фелицы» разбиты на четверостишия с перекрестной рифмовкой. В «Видении мурзы» мужские и женские клаузулы регулярно чередуются и рифмуются, синтаксические периоды пространны, строфическое членение отсутствует. Если уникальному художественному эффекту «Фелицы» способствует новаторский диссонанс между сатирическими миниатюрами и хвалой монархине, то в «Благодарности Фелице» этого напряжения нет, она не порывает с традициями одического славословия. Наибольшая тематическая близость существует между «Видением мурзы» и «Изображением Фелицы» хотя бы потому, что в обеих одах описываются живописные произведения. Следовательно, в обоих случаях поэт стремился к активизации у читателя визуальных представлений. Есть и важное различие. В «Видении мурзы» речь идет о картине, реально существовавшей, о знаменитом «Портрете Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783), созданном Д. Г. Левицким по программе Н. А. Львова.² В оде же «Изображение Фелицы» повествуется о картине, которая никогда не существовала и которую мурза лишь предлагал начертать Рафаэлю.

Именно «Изображение Фелицы», а не какое-либо другое из перечисленных стихотворений Капнист, ближайший друг поэта, избрал объектом своего критического выступления, вызвавшего нешуточный гнев Державина.³ Однако прежде чем коснуться некоторых неизвестных материалов полемики вокруг оды «Изображение Фелицы», хотелось бы поделиться некоторыми общими соображениями о причинах ее возникновения. Как справедливо на то указал еще Я. К. Грот, важнейшим претекстом «Изображения Фелицы» является заключительная часть ломоносовского «Разговора с Анакреоном» — аллегорическое описание России и одновременно императрицы Елизаветы, сочиненное Ломоносовым в ответ на XVIII анакреонтическую оду. Если Ломоносов, подобно своему античному предшественнику, описывает женскую внешность так,

² Как известно, «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783) вызвал значительный литературный резонанс. В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» было опубликовано два стихотворения: «Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II» Е. Р. Дашковой (Ч. I. С. 14) и «К Д. Г. Левицкому» И. Ф. Богдановича (Ч. IV. С. 31). Письмо Д. Г. Левицкого издателям «Собеседника» (Ч. VI. С. 17—18) стало ответом на стихотворные восхваления портрета. В качестве приложения к нему опубликовано «Описание портрета ее императорского величества» (Ч. VI. С. 18), автором которого, по всей видимости, является Львов.

³ Отмечу попутно, что оценка «Изображения Фелицы» М. Н. Муравьевым, поэтом, связанным с львовско-державинским кружком в течение многих лет, была в высшей степени положительной, как явствует из его неопубликованного письма С. М. и Ф. Н. Луниным от 11 октября 1789 г.: «Ваш добрый приятель Гаврило Романович, который вам кланяется, написал прекрасное лирическое сочинение „Изображение Фелицы“, где воображение его разгорячено благодарностию» (ГИМ. Ф. 445. № 54. Л. 77).

что она может быть без труда изображена живописцем, то Державин разворачивает перед читателем не одну картину, а целую их галерею. При этом гиперболизм многих образов заведомо исключает их перенесение на полотно.

Хотя в зачине «Изображения Фелицы» сделана недвусмысленная отсылка к «Разговору с Анакреоном» (а через него и к соответствующей анакреонтической оде), в целом стихотворение Державина оказывается мало связано с ломоносовским стихотворением и в высшей степени нетрадиционным. Сущность державинского новаторства «Изображения Фелицы» следует, думаю, определить так: подхватывая мотив обращения поэта к художнику, восходящий к античности, Державин в «Изображении Фелицы» игнорирует анакреонтическую традицию (обращение к ней в данном случае было как раз ожидаемым) и в сравнительно «спокойный», статичный жанр экфрасиса импортирует стиль торжественных од Ломоносова с их динамикой, парением, гиперболизмом и другими характерными особенностями. При этом он создает пространственный текст, по объему во много раз превосходящий сорок стихов «Разговора с Анакреоном».

Думается, что Капнист, самый «классичный» из друзей Державина, прекрасно ощутил Ломоносовские истоки стилистики «Изображения Фелицы», вызывавшей у него неприятие. Выправив позднее свою оду, Капнист предпослал при публикации ее тексту 8, 47 и 26 строфы стихотворения Державина, указав, что «весь пятой куплет заимствован» из них. Эти строфы избилуют выражениями, подобными тем, что подверг осмеянию в свое время Сумароков в антиломоносовских «вздорных одах»: мурза призывает «простреть крылатый, сизый гром», хочет, чтобы «из уст бы громы лишь гремели, которы у нее в руках» и т. п. Отметим и имплицитную полемику на уровне строфики — Капнист избирает не восьмистишия, которыми написано «Изображение Фелицы», но одическую строфу из десяти стихов,⁴ указывая тем на несоответствие сюжету избранной Державиным строфической формы.

В связи с излагаемым сюжетом необходимо учитывать и высокую степень актуальности для эпохи формулы Горация («ut pictura roesis»), предполагающей как близкородственность поэзии и живописи, так и легкую взаимную конвертацию их языков. Согласно этому представлению, живопись — «немая поэзия», а поэзия — «говорящая поэзия». Предложение мурзы создать с его слов картину, обращенное к Рафаэлю, воспринималось многими современниками буквально, без учета высокой степени условности, предполагаемой

⁴ Как известно, расположение рифм в десяти стихах одической строфы варьировалось уже Ломоносовым; Капнист следует здесь «Оде в торжественный праздник высокого рождения Иоанна Третьего 1741 года августа 12 дня». Об этом подробнее: *Стенник Ю. В.* Одическая строфа Ломоносова // *Вопросы русской литературы* (Львов). 1973. Вып. 2 (22). С. 62—63.

произведениями, подобными «Изображению Фелицы». Именно с этих позиций в своем «Ответе Рафаэла певцу Фелицы» и иронизировал над одой Державина Капнист: его Рафаэл в заключение стихотворения отказывается исполнять поручение и предлагает мурзе взять в руки краски, чтобы осознать неисполнимость предприятия.

Несомненно и то, что Державин, обратив слова мурзы именно к Рафаэлю, кумиру неоклассицистического искусства,⁵ невольно провоцировал своих читателей, ибо поэт демонстративно отступал от принципа правдоподобия. Рафаэль же для большинства его современников был как раз наивысшим воплощением этого принципа.

Для Державина — в отличие от его ближайших друзей Львова и Капниста — эти общеэстетические соображения не играли большого значения. Задумывая «Изображение Фелицы», он, помимо всего прочего, выступил против антономазии, получившей широкое хождение после выхода в свет его «Фелицы», — его стали именовать «Рафаэлем Екатерины II». Так, в мае 1783 г. Державин писал О. П. Козодавлеву: «Вы мне говаривали, что Август и Людовик, менее человеколюбивые и менее истинные славы достойные, имели провозвестников своего бессмертия. Я не верю вам; не верю, что могу хотя мало уподобляться с кем-нибудь из оных; но, к несчастью, я для Фелицы сделался Рафаэлем. Лавры ея, может быть, поблекнут под моими искусными украшениями; но я хотел быть возвестителем, как они, в управление царевны своей и явил в пример ея обхождение. Рафаэль, чтоб лучше изобразить Божество, представил небесное сияние между черных туч. Я добродетели царевны противуположил моим глупостям. Не знаю, как обществу покажется такого рода сочинение, какого на нашем языке еще не было» (V, 369—370).

В основе композиции оды «Изображение Фелицы» лежит фигура климакса — мурза разворачивает перед Рафаэлем многообразные виды благоденствия империи. Однако в конце оды выясняется, что Рафаэль пишет «не на холсте, не в красках» и что «не металл оживлен», но «на сердце» мурзы возник экстатический образ «алмазной горы» и «на нем в лучах — Фелица». Нужно отдать должное Державину, он имел все основания для гнева — то, что было для него лишь поэтическим приемом, было истолковано прямолинейно, как указание для художника. Картины же, вложенные им в уста мурзы, если внимательнее вчитаться в оду, не поддались переводу на язык красок, вызвав лишь «исступленное видение» в душе певца богоподобной царевны «Киргиз-Кайсацкия орды». В сущности, Державин порывал с традицией мышления в духе «ut pictura poesis» и в «Изображении Фелицы» как раз подчеркивал то, что живопись отнюдь

⁵ Об истоках культа Рафаэля в русской литературе, а также о значении трудов Винкельмана для него см. в монографии: *Lappo-Danilevskij K. Yu. Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007* (по указателю).

не «немая поэзия», разве что в смысле сугубо метафорическом. Как несложно заметить и из стихотворения, и из письма Державина от 31 декабря 1789 г., от Рафаэля ожидалось некое синтетическое изображение, некий единственный в своем роде образ, способный вместить в себя все пространно изложенное мурзой.

Напомню общеизвестные факты полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы». В конце 1789 г. Капнист прочел это произведение своего друга и создал свой «Ответ Рафаэля певцу Фелицы», который выслал в Петербург в сопровождении письма (до нас не дошедшего).⁶ Этот первый вариант «Ответа» привел Державина в ярость, свое мнение о нем поэт сформулировал в письме от 31 декабря 1789 г. (V, 766—769), опубликованном еще Я. К. Гротом. Помимо выпадов чисто личных (о том, что стихи Капниста хороши, может, в Малороссии, но «в России весьма плоховаты» и пр.) Державин формулирует и сугубо профессиональные претензии к детищу Капниста; они относятся как к плану изображения, так и к изображенному. Попробуем вкратце изложить их, отрешившись от несколько сумбурного и эмоционального тона письма и приводимых в нем примеров. Державин не находит «правильности» ни в языке, ни в просодии, ни в звуковом строе «Ответа Рафаэля певцу Фелицы».⁷ План стихотворения он считает «неосновательным», мысли «низкими», изображения «смешными и отвратительными», похвалы императрице «грубыми», а отчасти и ложными, шутки «не забавными, а язвительными».

Одна из фраз показывает, что Державин не ожидал, что Рафаэль в деталях воспроизведет все рассказанное мурзой. От величайшего художника всех времен поэт ожидал создания некоего гениально-непредсказуемого изображения, подобно тому как Рафаэль сумел найти адекватную форму и выразить «непостижимость Божества»:

«Словом, весь твой план неоснователен; ибо когда мурза просил Рафаэля изобразить Фелицу, то не может он же сам удерживать его от той работы для того, что недостатка в мастерстве его предполагать не можно: когда я сам в первом куплете сказал, что изобразил он непостижимость Божества, то невозможность изобразить человека есть неосновательная отговорка; можно бы, кажется, найти другую попристойнее» (V, 768).⁸

⁶ Это явствует и из начальных строк, и из выраженного в конце прискорбия о болезни Капниста (V, 766, 768).

⁷ «Нет ни правильного языка, ни просодии, следовательно и чистоты. Читая их, должно бормотать по-тарбарски и разногласица в музыке дерет уши» (V, 767).

⁸ На понимании Державиным задач художника как в высшей степени специфических, заключающихся в том, чтобы одной картиной выразить то, что будет соответствовать многостраничному, космичным описаниям, указывает и следующий отрывок письма: «Мысли низки, как то, что не из чего сделать рам на картину, ибо я не к столяру, но к живописцу просьбою моею относился» (V, 767).

Этими строками Державин отсылал как к Рафаэлев «Преображению» (1519—1520), хорошо известному по гравюрам, так и к зачину собственной оды:

Рафаэль! Живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный
Изобразитель Божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать:
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

(I, 270—272).

От пейоративных суждений о художественных достоинствах «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» Державин переходит к хулению таланта Капниста в целом и утверждает, что тот «помазан лишь Музами по усам». Все это подступ к тому, чтобы в корне оспорить право Капниста быть «трубочистом», т. е. браться за улучшение лирики Державина и Львова. Достоинства нескольких стихотворений Капниста признаются результатом благотворного воздействия его друзей, прочим же произведениям отказано в какой-либо ценности:

«Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того, не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем; ибо кроме оды „Надежды“ и сатиры, здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослынешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замаран» (V, 768).

Характерно, что Державин посчитал необходимым напомнить о львовско-державинском кружке и о традиции дружеских обсуждений литературной продукции его участников.⁹ Хотя к этому обществу, возникшему в конце 1770-х гг. и просуществовавшему до начала 1800-х, были близки и другие литераторы, его подлинное

⁹ О том, что «чистилица» стихов, имевшие место ранее, порой проходили в весьма накаленной атмосфере, узнаем из приписки Е. Я. Державиной, жены поэта, попытавшейся смягчить действие на Капниста строк ее мужа. Сожала о том, что Капнист с женой подолгу жил в Малороссии, она предлагала поселиться поблизости друг от друга и рисовала происходящие от этого преимущества: «Вы бы иногда, поэты, и поссорились, и помирились; ведь это у вас чистилице ваше в прежние времена бывало, и я уверена, что будут у вас выходить редкости в рассуждении ваших друг к другу строгостей; а мы бы, жены ваши, другого рода редкости делали, украшали бы жилища ваши своими трудами, забавляли бы вас, а иногда и разнимали, когда далеко споры ваши зайдут» (V, 769).

ядро составляли четверо друзей-поэтов — Г. Р. Державин, В. В. Капнист, И. И. Хемницер и Н. А. Львов. Исключительную творческую близость, их связывавшую, Державин засвидетельствовал позднее, в письме Капнисту от 3 января 1804 г., где в связи со смертью Львова писал: «Вот, братец, уже двое из стихотворческого круга нашего на том свете. Я говорю о Хемницере и Николае Александровиче. Долго ли нам на сем свете помаячить?» (VI, 144).¹⁰

Важным общественным выступлением четырех поэтов на раннем этапе существования кружка было участие в 1779—1781 гг. в журнале «Санкт-Петербургский вестник». ¹¹ Здесь был опубликован и ряд полемических произведений, в том числе и упомянутая в письме Державина «Сатира I» Капниста, направленная главным образом против Н. П. Николаева и его окружения. Печатным органом, на страницах которого особенно охотно публиковались участники кружка, стал позднее «Собеседник любителей российского слова», основанный в 1783 г. при непосредственном участии императрицы Екатерины II и de facto редактировавшийся княгиней Е. Р. Дашковой.

Хотя благодаря признаниям Державина (как приведенному выше, так и некоторым другим) очевидно, сколь важную роль в его творческом развитии сыграли дружеские обсуждения, нужно признать, что мы располагаем крайне скудным материалом, их документирующим. По всей видимости, самый ранний из известных случаев правки стихов участниками кружка — это пометы И. И. Хемницера на львовском переводе оды Сапфо, сделанном 23 марта 1778 г.¹² Подробному обсуждению в 1779 г. была подвергнута ода Державина «Успокоенное неверие», с которым он, как известно, связывал благотворный перелом в своем творчестве и обретение «совсем особого пути». Характерно, что обретение творческой индивидуальности осмыслялось поэтом как отход от более раннего увлечения Ломоносовым под влиянием Львова, Капниста и Хемницера и проповедуемых ими «наставлений г-на Батте». ¹³ Как явствует из цити-

¹⁰ Также в стихотворении «Зима» (1805): «Львов, Хемницер в гробе скрыты / За Днепром Капнист живет» (II, 528).

¹¹ См. об этом подробнее: *Грот Я. К.* Участие Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» // *Современник*. 1845. № 4. С. 38—87; *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко // XVIII в. Л., 1977. Сб. 3. С. 230—236.

¹² *Львов Н. А.* Путевая тетрадь № I // ИРЛИ. 16.470. Л. 38; ИРЛИ. Арх. Я. К. Грота, 16.470. Л. 38. Через три дня, 26 марта 1778 г., Львов записал перевод оды Сапфо, доработанный с учетом помет Хемницера (Там же. Л. 39. Впервые опубликован: *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. М., 1980. С. 28); он отличается большей близостью к французскому оригиналу.

¹³ Ср. в автобиографической записке «нечто о Державине» (1805): «...но из всех сих произведений своих автор не одобряет, потому, как выше явствует, что он хотел подражать г-ну Ломоносову, но как талант его не был с ним внушаем одинаковым Гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару, велелепия

рованного выше письма Державина, коллективно выправлены были Капнистовы «Ода на надежду» и «Сатира I» перед их публикацией в 1780 г. в «Санкт-Петербургском вестнике». Важным прецедентом заочного обсуждения стало письмо Хемницера и Капниста Державину от 5 марта 1781 г. с критическими замечаниями и поправками на его «Оду на новый год»,¹⁴ «Фелицу», написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решает «запереть», и ода находится год под спудом (III, 601—602).¹⁵

Отъезд Хемницера в Смирну в начале июня 1782 г. и его неожиданная смерть в 1784 г., служба Державина сначала в Олонецке, а затем Тамбове, жизнь Капниста главным образом в его украинских вотчинах — все это ослабило традицию дружеских собраний и их накал. Хотя в 1790-е гг. в творческую орбиту кружка были вовлечены А. М. Бакунин, И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. Н. Оленин, следует отметить, что роль авторитетного судьи стихов Державина отведена лишь Львову — так, Я. К. Грот привел в примечаниях к «Сочинениям Державина» пометы Львова на следующих лирических произведениях: «На взятие Измаила» (1790; I, 333—361),¹⁶ «Мечта» (1794; I, 588—591), «На мальтийский орден» (1798; II, 213—227). Думается, однако, что не все исправления подобного рода сохранились и что они имели место куда более часто.

В связи с изложенным выше особого внимания заслуживает следующая рукопись, приложенная к письму Державина Капнисту от 31 декабря 1789 г. Речь идет о списке «Ответа Рафаэла певцу Фелицы», посланном Капнистом в Петербург и возвращенном ему с пометами Львова. Этот документ и известен науке (о нем упоминали и его цитировали Я. К. Грот, Д. С. Бабкин и Г. В. Ермакова-Битнер),¹⁷

и пышности. А для того с 1779 году избрал он совсем особой путь, будучи предводити наставлениями г-на Батте и советами друзей своих, а после по жене и родственникам — Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацию» (*Кононко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // *Русская литература.* 1972. № 3. С. 84; этот важнейший пассаж цитируется обычно в неточной передаче Грота: VI, 443). Факт дружеского обсуждения этого стихотворения отмечен Державиным и в пояснениях собственных стихов (IX, 233; III, 598; ср. их анализ Гротом: I, 69—70).

¹⁴ Письмо было впервые опубликовано в кн.: *Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год.* СПб., 1895. Приложения. С. 10—20.

¹⁵ Ср. также: *Примечания на сочинения Державина* / Публ. Е. Н. Кононко // *Вопросы русской литературы* (Львов). 1973. Вып. 2 (22). С. 112—113.

¹⁶ На списке этой оды находим также поправки И. И. Дмитриева. Эта честь выпала сравнительно молодому поэту в силу особого благорасположения Державина, а не в силу того, что он был принят в кружок и посвящен в его традиции. Весьма показательно и указание Грота о том, что стилистические изменения Львова «находятся при этой оде сверх поправок И. И. Дмитриева» (I, 337).

¹⁷ См. первое примечание, а также в комментарии к стихам поэта в кн.: *Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960.

и по-настоящему неизвестен, ибо не опубликован в полном объеме и не осмыслен. Никто из предшественников не обмолвился и словом о том, что после «Ответа» Львов набросал экспромтом послание к Капнисту. Данное обстоятельство нетрудно объяснить: Грот невысоко ставил поэтический дар Львова,¹⁸ а Бабкин и Ермакова-Битнер интересовались прежде всего текстологией произведений Капниста. По моему мнению, лишь в контексте исканий кружка эта рукопись, хранящаяся в РГАДА, может быть оценена по достоинству.¹⁹

Какую же позицию занял Львов в споре ближайших друзей? В приписке на титульном листе импровизированной мини-тетрадки он недвусмысленно заявляет о своей промежуточной позиции. Признавая, с одной стороны, Державина неправым в «некоторых бурных примечаниях», он, с другой стороны, никоим образом не сомневается в том, что «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» заслуживает напечатания, и предлагает отшлифовать его. Здесь же содержатся указания еще на какие-то письма, до нас не дошедшие (так, Львов упоминает, что писал Капнисту в четверг, т. е. 27 декабря).²⁰ В письме от 23 декабря 1789 г., посланном за неделю до письменной реакции Державина, Львов почти хвалебно писал об «Ответе», находя в стихотворении «замысловатый оборот плана», «красоты мыслей» и «более правильный рисунок», хотя и меньшую живописность, чем у Державина. В порыве воодушевления Львов переходит на французский язык и именно на основании «Ответа» утверждает, что Капнист создан скорее для поэмы, чем для оды, хотя ему и удалось с грацией выразить чувствительный порыв в одах «На надежду» и «На утрату» («un moment de sensibilité, comme dans l'ode „Sur l'Espérance“ ou „Sur la Perte“»).

Выясняется, что в момент создания письма у Львова не было текста «Ответа», ибо тот находился «у оригинала татарского», т. е.

Т. I. С. 715; *Капнист В. В. Избранные произведения / Подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Вступ. ст. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1973. С. 542—543* (здесь, в частности, указано, какие из поправок Львова были учтены Капнистом при дальнейшей переработке «Ответа»).

¹⁸ Так, в 1864 г. Я. К. Грот писал, комментируя стихотворение Державина «К Н. А. Львову», что стихи Львова «не озаменованы, вообще говоря, печатью высшего таланта» (I, 513); то же мнение ученый повторил в предисловии к подборке стихов Львова тридцать лет спустя (*Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Вып. 4. С. 768*).

¹⁹ Ср. подробный перечень документов в этом архивохранилище, связанных с Державиным: *Долгова С. Р. Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (Ф. 1478, Капнист—Львовы) // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2008. [Вып. 4]. С. 187—217*.

²⁰ Укажу во избежание недоразумений, что письмо Львова Капнисту от 23 декабря 1789 г., опубликованное Е. Н. Кононко, не могло иметься в виду. Оно было написано в воскресенье, а не в четверг (*Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 388—389*).

у Державина. По всей видимости, через несколько дней Лвов получил рукопись обратно, сделал на ней публикуемые ниже пометы и отослал Капнисту вместе с письмом Державина (в примечании к посланию упомянуто некое письмо, к которому послание приложено). Прежде чем перейти к анализу этих поправок Лво́ва, думаю, необходимо хотя бы в двух словах охарактеризовать присланную в Петербург рукопись.

И Державин, и Лвов читали «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» не по автографу, но по писарской копии, которую Капнист не потрудился внимательно вычитать. Этим объясняются многочисленные погрешности текста, из которого с нарушением метра выпали отдельные слова,²¹ а в конце второй строфы даже целый стих, так что Лвов отметил: «тут чего-то нет». Таким образом, отмеченная Державиным неудовлетворительность просодии должна быть отнесена на счет копииста, а не автора. При публикации ранней редакции «Ответа», эти огрехи нами не устранены, ибо на них почти всегда обращал внимание Лвов и они очевидны из его поправок.²²

Пометы Лво́ва призваны улучшить стилистику «Ответа», сделать его стихи более гладкими и легко читаемыми. В соответствии с этим устраняются: неуклюжие инверсии, славянизмы, двусмысленности, а также нарочитые внутренние рифмы («дива живо»). Несомненно, что для Лво́ва «Ответ», несмотря на его полемический характер, — произведение поэзии высокой, и он требует изгнания из него слова «лик» в значении «лицо, облик» как «народного и дурного». При этом он подчеркивает, что «в благородном слоге „лик“ значит „хор“», почти напрямую отсылая к знаменитому стиху Державина «где пиршеств раздавались лики» в оде «На смерть князя Мещерского».

Хотя Лвов Ломоносова в своих примечаниях не упоминает,²³ поддержка Капниста, если взглянуть на дело отстраненно, имела антиломоносовскую направленность. В сущности, речь шла о борении с барочными элементами в поэтике Державина, дававшими о себе знать еще слишком сильно,²⁴ и о классицизации друга-поэта в духе Баттё, со всей очевидностью не доведенной еще до конца. В этом контексте вынесение критического выступления Капниста на страницы периодики имело смысл, потому-то Лвов предлагал и практическую помощь в напечатании — «переписав, как должно, пришли, я напечатаю».

²¹ См. стих 6-й V строфы, стих 2-й VI строфы и проч.

²² Исключение — 7-й стих 11 строфы, из которой выпало односложное «здесь».

²³ Задетым из писательского цеха оказывается лишь Тредиаковский, «Телемахиду» которого Лвов считал образцом плохого стиля.

²⁴ На основные факты в связи со значением Ломоносова для формирования Державина-поэта указано в статье: *Стенник Ю. В. Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 235—267.*

Помимо решения задач литературных, Львов стоял перед необходимостью преодоления дружеского конфликта, что побудило его сопроводить сделанные пометы посланием, созданным экспромтом. Как и в других случаях, подобные «смешные стишки»,²⁵ не предназначавшиеся для печати и порой «сползавшие» в галиматью, должны были в первую очередь поддержать дружеский контакт, на темы серьезные в них лишь намекалось. Как уже указывалось выше, послание Львова от 17 января 1790 г. и список «Ответа» теснейшим образом связаны с письмом Державина от 31 декабря 1789 г. В силу этого становится ясным, кто подразумевается под упоминаемой в послании музой, «трубочисту» Капнисту женой не приходящейся, — это Е. Я. Державина, сделавшая приписку к этому письму Державина. И хотя окончание стихотворения выражало сожаление о доле «трубочистов», а занятие это рекомендовалось оставить, но и пометы Львова, и его письмо Капнисту от 23 декабря 1789 г., и готовность помочь с напечатанием — все это свидетельствовало о другом, о признании Львовым эстетической ценности «Ответа Рафаэла певцу Фелицы».

Стоит, видимо, упомянуть о том, что Львов порой сильно расходился с Державиным в литературных оценках — Капнист-критик ему был намного ближе. Это очевидно из еще одного письма Львова Капнисту, от 28 ноября 1794 г., где под «искренним приятелем» подразумевается «певец Фелицы», а в дружеских обсуждениях, как и прежде, видится гарантия качества лирической продукции:

«Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим, по старшинству следует „Песнь Екатерине II“, которую намахал наш искренний приятель. И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову, — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей; а как я его, впрочем, накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить».²⁶

Для понимания позиции Львова в спорах 1789 г. существенны и его упреки Ломоносову, сделанные несколько позже, — в поэме «Добрыня», начатой в 1796 г. и опубликованной посмертно. Она содержит следующие строки, направленные против «российского Пиндара»:

Правда, был у нас сын усилия,
Он и трудности пересиливал
Дарованием сверхъестественным,
Легким делывал невозможное
Властью русского славословия.²⁷

²⁵ «Смешными стишками» в родственном кругу Львова именовались послания поэта, не предназначавшиеся для печати. Об этом можно заключить из «приношения» Львова Е. М. Олениной, завсрашающего его «Горячку» (1793).

²⁶ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 389.

²⁷ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитек-

Этот пассаж снабжен перечислением цитат из Ломоносова в духе сумароковских «вздорных од», чем была подчеркнута рискованность барочного метафоризма. И хотя ломоносовское насилие над языком окончилось «без увечий», путь «российского Пиндара» в «Добрыне» недвусмысленно отвергается: «Надрываясь из добра ума, / Никому в труде не понравишься».

Пометы Львова на раннем списке «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» публикуются по рукописи, хранящейся в РГАДА, в фонде Капнистов-Львовых (Ф. 1478. Ед. хр. 79. Л. 1—5 об.). Орфография и пунктуация приближены к современной; сохраняется особенность написания имени «Рафаел» и словоформы стилистически маркированные («лучем», «лицем», «Ея» и пр.), а также написание большими буквами местоимения «она» и имени «Фелица», когда под ними подразумевается императрица Екатерина II. Название стихотворения Капниста, повторяющееся перед его основным текстом, опущено. Все пометы Львова вынесены в постраничные примечания. Их можно разделить на две группы: поправки и краткие комментарии. В случае необходимости к ним сделаны уточнения публикатора, выделенные курсивом.

Рапорт лейб-автору от Екатеринославских муз трубочиста Василья Капниста

Ответ Рафаэла певцу Фелицы²⁸

Рафаел, живописец римской,²⁹
За Стикс отшедший на покой,
Мурзе и дивописцу Крымской,
Киргизкайсацкой, Золотой,³⁰
А вточь,³¹ какой орды не знает,
Здоровья и всех благ желает.
Сие же пишет во ответ
На то посланье длинновато,³²

турных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена, 1994. С. 197.

²⁸ *Приписка Львова внизу титульного листа тетрадки*: «Гаврила неправ в некоторых своих бурных примечаниях, я ему скажу, а если некоторые мною исправленные неровности ты простишь и помилуешь, то, переписав, как должно, пришли. Я напечатаю. Я писал к тебе о поэме в четверг, в пятницу Гаврила о поэме от тебя получил... se rencontrent».

²⁹ «Рафаел, Санкио Урбинской». *Примеч.*: «Поелику „римской“ кажется „во времена римлян живший“, он же не римлянин, Санкио его имя».

³⁰ «Орды Киргизкой, Золотой».

³¹ «А подлинно». *Примеч.*: «Перенос орды немного трудноват был».

³² «На посланной и долговатой».

Которо от него крылатой³³
Меркур³⁴ на сей доставил свет.

Мурза! Сто тридцать повелений,
Тобой предписанные мне,
Признаюсь,³⁵ рассмешили тени,
Покоющиеся³⁶ в сей стране.
Им показалось очень странно,
Как так слегка, и так пространно
Ты вздумал мне урок задать;
Над коего и сотой долей,³⁷
В пень был бы приневолен стать.

Ты счел, как вижу, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество.
Что как воображенью слово,
Так будет мастерство готово
Представить мысль твою глазам:
А тем нам думать дал причины,
Что кистью дщери Мнемозины
Ты лишь помазан по усам.

Нет, нет, мурза! не так не трудно,
Как то себе мечтаешь ты,
Всех прелестей согласие чудно
Собрать и слить в одни черты;
Чтоб душу ангела небесна
Представила краса телесна.
Лик солнца виден каждый день;³⁸
Однако вся искусства сила
Изобразить сего светила
Одну лишь слабу может тень.³⁹

Не так легко, над полвселенной
На сорок токмо двух столбах
Престол поставить вознесенной,
В осми смотрящийся морях;

³³ «Тот свиток, что Гермес крылатой».

³⁴ «К нему». *Примеч.*: «„Меркур“ уже употреблен с успехом в „Телемахиде“».

³⁵ «Признаться». *Примеч.*: «„Признаюсь“ не по-русски».

³⁶ *Примеч.*: «„Покоющиеся“ не очень ловко».

³⁷ *Примеч.*: «Тут чего-то нет».

³⁸ «Вид солнца зрим мы каждый день». *Примеч.*: «„Лик“ — слово народное и бурное, а в благородном слоге лик значит „хор“».

³⁹ *Примечание к четырем последним стихам строфы*: «Ceci est beaux et grand».

Расширить ноги так орлины,
Чтоб сжал одною зев он львиной
Другой рога луны сгибал;
И сделать, через подвиг вящий,
Чтобы Перун в руках горящий
Из уст, гремел лишь,⁴⁰ не сверкал.

А ты хотел, чтоб я все дива,
Которы нам возвестил,⁴¹
Из полного черпнув архива,
В одну картину поместил!
Хоть знал я тщетное желанье,
Но всё употребил старанье
Тебе сколь можно угодить;
И так пустяся⁴² наудачу,
Чтоб совершить⁴³ твою задачу,
Я предприял ее дробить.

Сперва, созвав в совет согласной
Весь живописный наш синклит,
ФЕЛИЦЫ твоя прекрасной
Решился я представить вид;
И чтоб исполнить чудно дело,
Минервину главу на тело
Юоны лепой посадил
И, прелестьми трех граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
Венерин пояс обложил.

И восхищался, — как пред мною
Представ мурза каких-то орд,
Под шапкой, бритую главою,
И длинными усами горд
Спросил: кого изображаю?
«ФЕЛИЦУ». — «Как? — Ея? — я чаю
Что ты несешь и пишешь бред.⁴⁴
Брось кисть мой друг! и труд напрасный
Нет не Ея то лик прекрасный:
А разве токмо силуэт».⁴⁵

Сказал и с гневом удалился.
Приветством удивлен таким
Я речь завесьть поторопился

⁴⁰ «гремел, но».

⁴¹ «Которы нам ты возвестил».

⁴² «пустился».

⁴³ «А чтоб свершить».

⁴⁴ «Что ты марашь дребедень».

⁴⁵ «Но ты обвел Ея лишь тень».

О чудной сей ФЕЛИЦЕ с ним.
Догнав его, — «Мурза почтенный! —
Сказал, — оставим несравненный
ФЕЛИЦЫН лик; позволь спросить
Совета, как бы кисть щастлива
Могла, сего осмого дива,
Хоть подвиги изобразить?»

«Хоть подвиги? Нетрудно дело
Затеял ты в уме своем!
Да хоть вас сто б над ним сидело
Век целый, встали б все ни с чем.
Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней Палестины;⁴⁶
А где взять красок и кистей?
Опомнися, тебе ль пристало⁴⁷
Явить нам ясное зрцало
Великих дел царевны сей?

Над всеми царствами вселенной⁴⁸
Она возносится, как кедр,⁴⁹
Над тростью гибкой, униженной,
Чуть из земных возникшей недр
Державный скипетр простирает,
На царствы там граждан венчает,
В подданство царствы берет;⁵⁰
Стязующиеся державы
Пресекти нудит ток кровавый,⁵¹
И суд и мир им подает.

Се треск и гром Ея перуна,
Страшилища⁵² владык земли,
С полнощи грянув, храм Нептуна
В Средземном понте потрясли.
Там гидр ОНА в волнах сжигала;
Луну гордящуюсь⁵³ затмевала
Крылами своего⁵⁴ орла;
И, царств не возмута покою,⁵⁵

⁴⁶ *Примеч. к этому и предыдущему стихам:* «Это несправедливо Гавриле не нравится, а оно хорошо».

⁴⁷ «И живописцу ли пристало».

⁴⁸ «Она над царствами вселенной».

⁴⁹ «Главой возносится, как кедр».

⁵⁰ *Львов пометил двумя сходными значками тавтологию «царствы».*

⁵¹ «Пресечь велит поток».

⁵² «Страшилище».

⁵³ «кичливу».

⁵⁴ «сильного».

⁵⁵ «И нежестокою войною».

В предел свой сильною⁵⁶ рукою
Пространно море вовлекла.⁵⁷

Блаженству всех держав и миру⁵⁸
Драгих ток посвятивши дней,⁵⁹
Она злату⁶⁰ свою порфиру
Простерла над лицом⁶¹ морей.
Под сению священная крова,
Не смеет буйства длань сурова
Судам свободный ход препнуть:
Хоть люты брани вокруг⁶² рыкают,
Они среди их протекают
Бесстрашно, в предприятый путь.

Но кая может слова сила
Явить в величии своем,
Как мрак полнощи осветила
ОНА премудрости лучем?
Как подданных рвала оковы
В них души поселяла⁶³ новы
И как, где в счастье их вперен⁶⁴
Судьбина подвиг препинала,
ОНА блаженствы засекала
Для жатвы будущих племен?⁶⁵

Но что! по всей вселенной ныне
Гремят дела Ея одной;
И на пространной сей холстине
Насилу кистию златой⁶⁶
Писать их слава успевает,
То как рука твоя дерзает⁶⁷
Подъять толь непомерный⁶⁸ труд?

⁵⁶ «властною». *Примеч. к этому и предыдущему стихам:* «Европейские-то шумели за Крым».

⁵⁷ *Примеч. к последнему стиху строфы:* «Superbe».

⁵⁸ «Блаженству царств и славы миру».

⁵⁹ *Два варианта, предложенные Львовым:* «Отдав своих спокойство дней» и «Пожертвовав спокойством дней».

⁶⁰ «сияющую».

⁶¹ «по лицу».

⁶² «там».

⁶³ «влияла».

⁶⁴ *Примеч. к этому и предшествовавшему стиху:* «NB не разумею».

⁶⁵ *Примеч. к двум последним стихам строфы:* «Beau vers si on pouvoit comprendre le précédent!».

⁶⁶ *Примеч. к первому четверостишию строфы:* «Очень хорошо».

⁶⁷ «То как же кисть твоя дерзает».

⁶⁸ «беспредельной».

Оставь, мой друг, не суетися;
Кому дивится свет, дивися:
А кисть и краски спрячь под спуд». ⁶⁹

Премудрого сего совета,
Мурза! отнюдь не презрю я.
И так ФЕЛИЦЫНА портрета,
Ниже картины дел Ея ⁷⁰
Тебе доставить не намерен.
Когда ж ты в способах уверен
Те дива живо написать. ⁷¹
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что мог так лепо рассказать.

С италиянского языка перевел Василий Капнист. ⁷²

* * *

[Львов Н. А. Шуточное послание Капнисту
от 17 января 1790 года] ⁷³

Генвар. 17, 1790

И я тебе, уроду,
возвращаю твою оду,
но не очень, так сказать,
чисто мог я написать.
Посылая ж к трубочисту,
коему из муз одна,
хоть не будучи жена
признается, ⁷⁴ что быть чисту,
чистить, мечь и прочищать
выметать и промывать
одному лишь власть дана.
Хоть бы опытом она
власть такую утвердила,
не завистник в том Гаврила,
не завидую и я,
не завидна часть твоя,

⁶⁹ *Примечание к последнему катрену строфы:* «Tout à fait galant».

⁷⁰ «Ни начертанья дел Ея».

⁷¹ «Точно». *Примеч.:* «Потому что „дива живо“ в произношении делают стих».

⁷² *Приписка Львова:* «А вот за это бестию кнутом, не ври».

⁷³ *Приписка с левой стороны листа сверху вниз:* «Как прочитал, так сам удивился, какой я вздор напорол».

⁷⁴ *Примеч.:* «Voyez la lettre originale à jointe».

мастерство твое не чисто,
и у муз чин трубочиста
есть не очень легкой чин,
ты один
а их ветвь много,
трудновата, брат, дорога,
ты которую избрал.
Лучше б просто не марал,
а пусть чистили б фауны
лиры той сокрыты струны
на которой Пан играл.